

Ш О Д У Н А В К А .

№ 26.

Београдъ 27. Юнія.

1847.

БОЖІЙ ПРОМЫСАЛЪ БДИ НАДЪ СВА- КИМЪ ДОБРЫМЪ ЧОВЕКОМЪ.

(Продуженіе.)

Али садъ већ дође време, да Густавъ дворъ свой оставити, и у поглавитый градъ, гди се господинъ Видавъ понайвише задржаваше, ићи мора, да науке выше започне. — Ахъ како е страшанъ и ужасанъ ударъ то за оба двоє ово дѣце быо! — Сузнымъ очима едва се едно одъ другогъ растати могаше, и Густавъ обѣћа Маріи, да ће онъ увѣкъ на ню мыслити, но да и она на нѣга, кадъ цвѣће плести, и лее заливати буде, никада незабавля. Марія не могаше говорити, тако ю е одлазакъ нѣговъ тронуо быо, она само сагнувши се, сузама напунѣне очи кецельомъ прекриваше. Но обећань врло е точно испунавала. И премда дѣца иначе штету какву лако прежале, и себе са стотиномъ новы увеселѣнія ублажити, и утѣшити знаю, то опеть кодъ нѣ тай случай садъ небыше. Обыталиште нѣвно чиняше юй се садъ сасвымъ пусто и жалостно, и самъ дворъ сасвымъ измѣнѣнь и много мрачній и суморній не-го пређе. Отацъ нѣнь примѣтивши, да е Марія веселость свою знатно изгубила, и свагда у мыслима яко погружена по гроблю хода, понайвише на друмъ, коимъ е Густавъ отишао, изгледаючи, почео се у почетку смѣшити томъ дѣтинскомъ поступку малене кѣри свое; но напрасно пробуди се у нѣму ово чувство, да ће одтудъ може быти зло какво произићи, кое бы зарашѣну пропасти нѣгове рану повредити могло.

И Марія садъ већ мораше се у нуждима рукодѣліяма обучавати, нити е могла выше тако дуго, као пређе, на гроблю са цвѣћемъ забавляти се. Госпоия учителька обучаваше ю шити, и плести, и тако само на вечеръ могла е,

и то у дружтву отца своего, у своіой кући быти. Ништа манѣ она опеть непрестано мысляше на своего игре садружника, и ништа тако сильно желела нѣе, као да бы Густавъ опеть у дворъ се свой скоро повратіо. —

Деветъ година већ протѣкоше, одкако е старый Марко у Франкенталу гробляръ постао быо, и едногъ вечера, сѣдећи онъ на столици одной, поредъ прозора тихе свое кућице, озбильскіе и жесточіе него иначе, на спрамъ нѣга сѣдећу кѣрѣ бацаше погледе, коя е пре нѣ-коликко дана седамнайсту годину навршила была, и подобно ружи цвѣташе. И Густавъ е већ лѣнь, и угледанъ младінь постао, и пређе две седмице налазіо се баше у двору своемъ. Таки, како е дошао у Франкенталь, одма дође садружницу свою посѣтити, коя радость свою, видећи нѣга, за коимъ е непрестано тужила, тако нечаяно, нѣе сакрити могла; но у сладко и явно усклицанѣ садъ упустила се была.

Ни еданъ данъ одъ тогъ времена нѣе Густавъ пропуштао на гроблѣ доби, и ако садъ и нѣе вѣнце съ нѣомъ плео, и лее заливао, то опеть врло се радо са овомъ, одъ дѣтета садъ већ поставшомъ дѣвойкомъ, кое любезности и лѣпоти довольно начудити се немогаше, по више сатій, о прошастомъ прерадостномъ дѣтинскомъ животу разговарао. И садъ башъ пре краткогъ времена оставіо ю баше.

Замышлѣнь сѣдіо е дакле старый Марко на мѣсту, на коемъ е мало пређе Густавъ сѣдіо, главу на прси оборивши, и у печалнима мыслима погружень, међутымъ Марія е, наспрамъ нѣга сѣдећи, нѣшто плела была.

Марко е узаймну ово двоє млады прилюб-ность примѣтіо, и видіо добро, да е то више нѣшто, нежели само дѣтинска наклоность, кою су они едно къ другомъ чувствовали, и да ће зла сѣдства одтудъ за Густава, и нѣгову неискусну

и невиную кберь провинилъ. Заключи дакле у себѣ, юшть за времена Маріею одъ обхофена са овьмъ младымъ господичиѣмъ уклонити.

„Зашто сте вы данасъ тако срдитъ, сладкій отче?“ запыта Марія, кадъ та е двапутъ за нѣшто пытада, и никаква одговора неполучи.

„Янисамъ срдитъ“, одговори Марію, „но брижанъ и замышлѣнъ.“

„Брижнй? а зашто?“ запыта дѣвица.

„Ни зашто друго, него тебе радъ.“

„Мене ради, а зашто то?“

„Е ли было данасъ Густавъ овдѣ?“

„Быо е преѣ еднотъ сага; но вы се нѣшто на мене срдите“, рече Марія удлашено. „Каките ми молимъ васъ, зашто сте печалнй?“

„Башъ Густава радъ.“

„Густава радъ?“ запыта дѣвица, и образи нѣни садъ се зарумене.

„Онъ често долази“, рече старй, „онъ тебе за дѣну сматра, и то само рѣавъ конацъ имати мора.“

„Ахъ сладкій отче, та младый господинъ врло е добаръ.“

„То е истина, но и врло непредосторожанъ, и толико неразумдѣльнъ, колико добаръ. Младый господинъ невѣштвое дружтво Маріе.“

„Како вы заповѣдате, сладкій отче“, рече Марія са сузинма очима.

„Ты и Густавъ, вы обое незпате, предъ канвомъ опасномъ пропащу стоите; но я то жалостивымъ срдцемъ прирѣчавамъ Маріе! Юшть е време, юшть е то навѣчай, кои се дано заборавити може, юшть дѣтинска склоностъ, кон васъ едно къ другомъ прилюблява; но тежко вама, тежко мени, ако ова наклонностъ умножи се, ако она дивнй страсть постане; јербо онда была бы ты, было бы онъ сасвямъ изгубдѣнъ, и сасвямъ пропав. Маріе! вѣруй рѣчма отца твога, наиболѣга твога пріатега, кога подъ сундемъ имашъ, и кои веѣъ старосѣбу изнемогава.“

„Отче! ешаше Марія.“

„Кадъ Густавъ опетъ изъ двора овамо доѣе, то изѣбывай га, подъ буди какывмъ изговоромъ; ако пакъ то башъ чинити неуможнѣтъ, то одговарай му на нѣrove вопросе; но укратко, и прилжно ктони се одъ сваке приликѣ, съ нѣиме сама были. Обѣвавшъ ли се ты то чинити?“

„Я то обѣвавамъ“, одговори она, пресѣца юлимъ гласомъ.

„То си ты опетъ мое добро и послушно дѣлѣ“, рече старй, и мѣдутимъ устане, и у найвѣнемъ восторгу срдечно ю у чедо полюби.

У томъ тренутку кучне нѣтно у прозорѣ. „Ево дакле опетъ еднотъ госта, кои тихомъ потребуе обьгалишта“, поглядѣвши на прозорѣ, рече старй. „Аху таки натрагъ доѣнъ“, повыве затѣмъ, и веѣъ къ вратамъ поѣе, и опетъ се окрене, пристути тронутымъ срдцемъ къ Маріи, и рече юй: „Маріе! много самъ я претрпнй и препатнй на овомъ свѣту, више нежели штатово силѣ еднотъ човена поднети могу, много твоѣ матерѣ, а юшть више тебе радъ. Маріе! ты, мыслимъ, нежелишь отца твога, при краю проба, у сраноту и поруганіѣ довести.“

„Ахъ волимъ умерѣи, сладкій отче! него да то одъ мене дочекате“, ешаше одговори Марія, и поортаюи бащи се у наручїѣ отца свога.

„Садъ дакле утѣшенъ на жалостно дѣломое одходимъ“, рече Марко, изъ наручїи свога дѣтета отргнувши се, и изъ себе изкишавши.

(Продуженіѣ слѣдуѣ.)

НУЖДА И НЕВРѢЖЛИВОСТЬ ДОБРОТЪ

ВОСПИТАНІИ.

(св. Грчкоть.)

Римски закони вису дозволявали ни еднотъ Римлянину, да незна политическе законе, нити се е ко одъ Римляна мого изговорити предъ судомъ, да не знао законе. Овай налогъ, виднсе, да е добыо почетакъ одъ онотъ светогъ писма: „Богъ, давши законе Мойсею, заповѣди му, да иѣ обанани у дѣломъ сабранію сынова Израида, као и станомъ Израилѣанину, не да иѣ самъ онъ зна, веѣъ да иѣ и своіой дѣци предае, Мойсей пакъ заповѣда и свѣштвенцима, да иѣ читано дѣломъ народу, мужикма и женскимма. Зашто? да чую (веди), и да уче боити се Господа Бога; да се извршавано све рѣчи тогъ законна; и нѣови сынови, кои незнаю, да чую и уче боити се Господа Бога.“ Кадъ е све, што е писано, наравно за нашу науку писано; и кадъ свако заблудѣнѣ произлази одъ незнани светлы закона; кои е толико неразуманъ, да неознае, да му е несправивно нужднѣе, да зна законе Божїѣ, нечъ што е еднотъ Римлянину было, да зна политичке законе? Грабаните Римскїй, незнаюти законе свогъ отчества, было е понайвише у опасности, да се и самотъ привременотъ живота липи; Христїанинъ пакъ, кога е опредѣлѣнѣ на небу, ако незна законе свогъ небесногъ отчества, у опасности е, да се на свагда тога липи, и да до безконачне бѣде доѣе. Брѣ, као

ногорскога. У Бечу, Слогила ч. о. о. Мехитариста 1847.

Подъ овимъ насловомъ изашла е пролѣтось у Бечу една историчка драма пресвѣтлога Владике Црногорскога, г. Петра Петровића, мужа веома знаменитога, и еднога одъ найвѣрпчиѣ обновителя Славенске књижевности.

Ово дѣло одъ велике важности за нашъ народъ представля еданъ случай, кои се догодио на концу седамнаестога столѣтја, а то е было ослобођеиъ Црнегоре одъ Турскога яра.

Чуство вѣрозакона у иѣму дивно влада, смѣлано са некимъ дивимъ юначствомъ, али умѣреннымъ одъ ладне разумности неки стараца, кои су поглавари народа, и кои плету жице свега сузаклетја.

Душа цѣле драме естъ Владика Данило Стѣпчевић Нѣгушъ, и онъ се надъ свима одликуе не толико влашћу, колико знанѣмъ, родолюбивимъ и вѣроисповѣднимъ чувствомъ, узнесенимъ на највѣиѣй степенъ благородства и высине, али кои не прелази у фанатизамъ ни у свирѣпость. Онъ ти е непрестано предъ очима, и колико веѣма у намѣреню, одъ нѣга зачетоме и у зрѣлость приведеноме, напредуе, то веѣма ти се допада. На првѣй махъ чини се таванъ и таинственъ своимъ войводама, али башъ ова таваность дае нѣговомъ говору неку узвышеность. Кадъ е пакъ изпытао теженя свою, и увидио обшту волю, нѣгова душа у самомъ дрктаню радуе се, и добыва живлю и радостнию бою. Онъ неѣе съ Турцима да се завади, а завадио бы се, кадъ бы нужно было, али управля свако движенъ, подиже и укрѣпљава сваку мишицу. Тако онъ изврщуе свое дужности духовногъ и временитогъ поглавара, а да никада несиѣе на какво дѣло, быѣу своме несходно. Прекрасно му е описанъ карактеръ и единый може быти, кои е сасвимъ развѣиенъ. Сви други карактери, кои више, кои маѣ, некога су дивѣга юначтва, одушевѣлнога мрзосѣћу противъ слѣдователя Турскога вѣроисповѣдана. Разлика стои у веѣгой или маньгой сили, у веѣгой или маньгой разумности по узрасту и изкуству особа. Али морамъ признати, да досада юшѣтѣ нисамъ видио ни едно описанъ кое Славенске общтине, кое бы точниѣ и живѣ одъ овога было. Само у народнима пѣсмама налази се черта, овоме описаню подобны. У наши писателя небы иѣ могао наѣи.

Овдѣ видишѣ вѣрно описане наваде, обичае, добродѣтели, пороке, предразсуде, вѣро-

што е безъ силе быо изговоръ Римлянина, да не законѣ знао, такоѣе, и юшѣтѣ више е немогуѣе Християнину, да се съ непознаванѣмъ свѣты закона предъ судомъ свевышииѣгъ и праведногъ законодавца оправда; гдѣ ѣе се, као што онъ вели, казнити и кои не знао, као и онаѣ, кои е знао.

Ова божествены закона наука, премда е непремѣно нужна, пренебрегнута е данасъ, као и друга добра; и тако у обште видимо више нѣи садашнѣгъ времена Християна у највеѣнемъ незнаню, или само у безметодномъ и одъ части знаню свое собствене вѣре. Родительи, кои бы требало да су први вѣроучительи свое дѣце, безъ вѣроученя будуѣи, нити могу, нити хоѣе да науче свою дѣцу. Да иѣ ко упыта, имаю л' времена за сва проча дѣла живота и бриге? Трудѣ се съ великомъ брижливосѣћу, да сабираю богатство за свою дѣцу; трудѣ се за благополучне бракове; а за само добро воспитаня свое дѣце немаю времена; или, и ако имаю времена, сво е воспитанѣе, кое иѣмъ даю, ограничено у толико, да иѣ науче, каквѣмъ да се начиномъ сѣино одѣваю, и како да се владаю при узайимнѣмъ посѣѣеняма и поздравѣняма. Оваковѣмъ родительяма врло е сходно ово, кое е Кратесъ рекао: „Кудъ сте похитали, люди? шта се съ толикѣмъ вниманѣемъ трудите за полученъ новца, а пренебрегавате воспитанѣе ваше дѣце, коѣой ѣете оставити новце?“*) Родительи пакъ, кои се показую да имаю старанъ за свою дѣцу, они се изговараю, да незнаю начинъ, коимъ бы иѣ поучавали.

Стерѣя М. Юка.

КНЪИЖЕВНЫЙ ПРЕГЛЕДЪ.**)

Горскѣй Виенацъ. Историческо событѣе при свршетку ХѴИ. вѣка. Сочиненѣе П. П. Н. Владике Цр-

*) Велашѣ Кратесъ, да бы требало (кадъ бы само могуѣе было) попѣти се на највыше мѣсто едне вароши, и одавде поввкати: „О люди, кудъ сте задутали, кои се внимателно за полученъ новаца оснѣмъ свега трудите, а за ваше сынове, коима ѣете ове оставити, врло мало се бринѣте.“? На ове Кратесове рѣчи додае Плутархъ едно врло паметно мѣнѣиѣе. „Такови родительи (вели) чинѣ оно несто, кое и они, кои се за чизму стараю, а забораваю ногу, за кою е чизма.“ — С. М. Ю.

**) За насъ е мыслимъ врло важно, знати, како се дѣла наши списателя оцѣнио на странѣна озыцима; и зато прѣвео самъ критику о Горскомъ Вѣнцу, печатану у књижевномъ листу, кои излази у Задру подъ именовъ: La Dalmazija. Ђорѣе Банъ.

изповѣданъ, фанатизамъ; нѣ изкваренъ ни еданъ характеръ, ни едно обстоятельство не стои изванъ свога мѣста; овдѣ вампири, пророчанства, чародѣйства; тамо и сама поруга, шала, угризаюће рѣчи.

Заиста е удивително, да у њедномъ дѣлу, гдѣ толика лица участвую, има толико различиты сплетана и тежења; гдѣ еданъ за другимъ толики случави меѣусобно противни послѣдую, гдѣ има предпріятія и противудѣйства; удивително е, да е стихотворацъ знао изићи на край са свомъ пожеланомъ яеносћу, да е могао свупити толике разбачене трагове, толике догаѣае, те скопчати њи и на единство дотерати, кое нѣ

ни найманъ покварено, не само у дѣлу, но што е дивно, ни у мѣсту, ни у времену. Найпосле савъ догаѣај сузаклетія окончава се у Ловћену за кратко време одъ четири дана. А те ствари доказую, да е была силна одушевљеность онага, кои е написао ову књигу, у којој толике су лѣпоте, толико познанъ свога народа и найманъи завитака людскога срца, да откриваю еданъ изванредный духъ у писателю, кои превозходѣи све тегобе, могао е удѣйствовати свой умышлай такомъ живосћу, истинитосћу, приязносћу, да му се књига врло любопытно чита.

(Далѣ слѣдуе.)

С М Ъ С И Ц Е.

В Ъ С Т И.

* Славени у Бечу озбиљно настое, да се тамо заведе Ческій театаръ. Мысли се, да ће г. Покорни, као рођеный Чехъ, кои два театра у Бечу притяжава, еданъ уступити за Ческа представљенія.

* Млади Словенци, кои у Люблянскомъ университету богословіе уче, саставили су меѣу собомъ друтво ради ученя Славенски езика.

* Еданъ дописатель у Ческомъ листу „Квѣти“ явил, да текстъ къ обявљенной Србекой живописной исторіи г. Атанасія Јовановића (В. пр. ч. Подун.) пише еданъ найодабраніи списатель Србскій.

НЕШТО О ФИЛОСОФІИ.

Оваковый чланакъ еданъ написао е др. Габлеръ у Ческомъ музейнику, гдѣ Хербартову систему пресуѣуе; доказиваюћи при томе, да Славени мораю другимъ путемъ у философін ударити. На то се одзвао г. Сметана у Нѣмачкомъ часопнеу „Ost und West“, непристойно нападаюћи г. др. Габлера и Ческу литературу понижаваюћи. — Сметана е само спомоћникъ учителя философіе у Прагу, а тако говори, као да бы былъ ректоръ самовластный. Противъ неотесаога напада овога философійскога помоћника написао е г. др. Габлеръ Нѣмачку брошурицу, гдѣ свой чланакъ у музейнику печатанъ брани. Одъ те брошурице, чимъ е изишла, за прва два дана продало се у Прагу 500 экземпляра, кое е очевидный знакъ, да

Славенскій элементъ у Ческой преважава и стално се утврѣуе.

О Д Г О В О Р Ъ

на просто-народно правословно питањѣ.

(у Подунавки № 23.)

Средствомъ поведене парници измеѣу она три путника, речена заедника, са гостилникомъ, коме су поменути тројца сандукъ свой съ новцима, при полазку у купатило, на оставу предали, гостилникъ нѣ морао, почемъ е одъ њи тројце еданъ новце однео, прочој двојци штету накнадити зато: што су они не само сазволили, него за болѣ гостилнива увѣрити, и собствене знаке свомъ, новце однесавшемъ, другу дали, да може сандукъ отворити; а нарочито зато: што е оскудѣвао при парници онај трећій другъ, по постовѣмъ уговору: „да гостилникъ безъ присуствія еве тројце никако новце дати несме,“ као што е обште правило гласи: „као што уговораши уговоре, онако и нека буде.“

Андріа П. Соколянинъ.

Н О В А К Н Ъ Г А.

Историческо-критическо Описаніе битке Косовопольске одъ г. 1389. Юниа 15. Сачинъно одъ Ђорѣа Малетића, а издано заедно са картомъ Косовогъ Поля Ђорѣелъ Мршициклъ, Мед. Докторомъ и Кавальромъ. У Новомъ Саду, Печатано писменима І. Каулицій. 1847. — На 3-ку, стр. XXI, 57.

Учредникъ Милошъ Поповићъ.

Издано и печатано у Правителственој Књижопечатњи у Београду.